

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Л. П. Ихфахтьевъ.

40.10.7.156_а

ГНѢВЪ ШАЙТАНА.

Вогульское преданіе изъ временъ покоренія Сибири.

СЪ РИСУНКАМИ.

Издание редакціи журнала
„Юная Россія“.

Москва, Б. Молчановка, домъ № 18.

МОСКВА.

Типографія К. Л. Меньшова, Арбатъ, Никольскій, 21
1915.

ГНЪВЪ ШАЙТАНА.

Вогульское преданіе изъ временъ покоренія Сибири.

I.

Далеко гремѣло по Сибири славное имя могучаго шайтана Урманъ-Хума, и со всѣхъ сторонъ спѣшили къ нему на поклонъ съ богатыми дарами пилигримы. Съ Печоры, Сосьвы, Тавды и Оби несли вогулы на Конду въ завѣтныя сокровищницы шайтана дорогie мѣха соболей, чернобурыхъ лисицъ, бобровъ, куницъ и многихъ другихъ звѣрей, которыми всемогущій Тормъ въ избыткѣ населилъ эти страны.

Каждый охотникъ, отправляясь на промыселъ, давалъ клятвенное обѣщаніе, по окончаніи охоты, снести въ даръ Урманъ - Хуму первого убитаго имъ звѣря, и горе было тому, кто осмѣлился бы пренебречь это клятвой! Напрасно онъ сталъ бы рыскать по завѣтнымъ урманамъ ¹⁾), отыскивая

¹⁾ Урманъ—сосновый лѣсъ—боръ.

добычу: оскорбленное божество поразило бы слѣпотой его очи, и онъ проходилъ бы мимо самаго звѣря, не замѣчая его.

Въ торжественные дни въ жертву этому божеству приносились цѣлые стада оленей, лосей и другихъ звѣрей, и горячая кровь этихъ священныхъ животныхъ никогда не высыхала на вѣчно окровавленныхъ губахъ шайтана.

Съ каждымъ годомъ росли и умножались богатства Урманъ-Хума, а вмѣстѣ съ ними росла и распространялась далеко за предѣлами vogульского княжества слава о немъ.

Всѣ сокровища, принадлежавшія шайтану, находились въ завѣданіи мудраго шамана; но эти сокровища не представляли изъ себя мертвый капиталъ. По существовавшему обычаю, каждый нуждающійся vogулъ могъ во всякое время приходить и брать изъ нихъ столько, сколько ему было нужно, съ тѣмъ, разумѣется, условіемъ, чтобы впослѣдствіи, послѣ первой же удачной охоты, возвратить взятое обратно. Такимъ образомъ сокровищница при шайтанѣ играла роль безпроцентнаго банка.

Капище Урманъ-Хума находилось неподалеку отъ резиденціи главнаго vogульского князя Сатыги, расположенной на одномъ изъ притоковъ Боль-

шой Конды. Рѣка Большая Конда, составляющая самый сѣверный, лѣвый притокъ многоводного Иртыша, въ среднемъ своемъ теченіи принимаетъ въ себя съ правой стороны рѣку Малую Конду. Эта послѣдняя въ своихъ вершинахъ прорѣзываетъ три большихъ тумана (проходныхъ озера). Здѣсь-то, на одномъ изъ этихъ тумановъ, на мысѣ, далеко вдающемся въ воду, и находилась крѣпость князя Сатыги, обнесенная двойною деревянною стѣною. Высокій холмъ, на которомъ она стояла, съ трехъ сторонъ круто опускался въ воду, а часть, примыкавшая къ сушѣ, была окружена глубокимъ рвомъ, наполненнымъ водою, за которымъ тотчасъ же начинался земляной валъ, обнесенный частоколомъ.

Крѣпость по тогдашнему времени считалась неприступной. Невдалекѣ начинался дремучій темный урманъ, тянувшійся далеко вглубь страны.

Обладатель этой неприступной крѣпости, храбрый и воинственный князь Сатыга, являлся грозою для своихъ сосѣдей и нерѣдко производилъ на нихъ опустошительные набѣги.

Въ первые годы своего княженія Сатыга былъ для своего народа довольно добрымъ княземъ, но какъ-то разъ послѣ одного удачнаго похода на зырянъ онъ привезъ съ собой плѣненную имъ зы-

рянскую княжну Хатыму. Красавица Хатыма скоро, въ свою очередь, такъ плѣнила сердце Сатыги, что сдѣлала его рабомъ своихъ прихотей. Озлобленная за гибель своего рода, она рѣшилась жестоко отомстить вогульскому народу и орудіемъ своей мести избрала очарованного ею князя Сатыгу. И вотъ, слѣдуя ея коварнымъ навѣтамъ, онъ началъ мало-по-малу притѣснять и угнетать свой собственный народъ. Онъ обложилъ его не-посильными податями и обязалъ всѣхъ взрослыхъ подданныхъ являться въ извѣстное время для тяжелыхъ полевыхъ работъ¹⁾, при чёмъ усталые отъ дневной работы люди должны были ночью пѣть пѣсни и плясать для увеселенія его возлюбленной. Но мало этого, онъ сталъ оскорблять отечественныхъ боговъ и разгромилъ не одно уже капище. Напрасно мудрые шаманы²⁾ вызывали къ его благоразумію, напрасно они угрожали ему гнѣвомъ оскорблennыхъ шайтановъ,—Сатыга, ослѣпленный волшебными чарами злой Хатымы, ничего не хотѣлъ слушать.

Народъ глухо ропталъ, но что онъ могъ сдѣлать съ княземъ, котораго боялись всѣ сосѣднія племена? Окруженный испытанною въ бояхъ дру-

¹⁾ По преданію, прежде на Кондѣ процвѣтало земледѣліе.

²⁾ Шаманы—жрецы

жиною, съ которой онъ вмѣстѣ нировалъ и дѣлился награбленною добычею, Сатыга чувствовалъ свою силу, и ему не страшенъ былъ ропотъ его подданныхъ.

А между тѣмъ алчная и коварная Хатыма не дремала. Она давно уже нашептывала князю святотатственная рѣчи разграбить богатства Урманъ-Хума. Но князь не рѣшался окончательно раздрѣжать свой народъ, да кромѣ того, онъ боялся вооружить противъ себя могущественныхъ сосѣдей - остыаковъ, не менѣе вогуловъ почитавшихъ шайтана Урманъ-Хума.

Тогда княжна рѣшилась хитростью добиться своего: она взяла съ Сатыги слово, что тотъ въ случаѣ, если у нея родится сынъ, положить къ ся ногамъ сокровища шайтана. Дѣйствительно, у нея родился сынъ, и князь волей-неволей долженъ былъ исполнить ея желаніе.

II.

На многія сотни верстъ кругомъ раскинулась тайга съ ея непроходимыми дремучими лѣсами, дебрями и болотами.

Глубокая зимняя ночь. Блѣдный серпъ луны меланхолически смотрѣтъ съ высоты яснаго, усѣ-

яннаго яркими звѣздами неба, напрасно стараясь погрузить свои серебристые лучи въ глубину таинственного урмана, гдѣ даже и днемъ, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, все такъ мрачно и угрюмо... Огромныя, косматыя вѣтви столѣтнихъ кедровъ, елей и пихтъ, опущенные густыми шапками снѣга, какъ-будто хотятъ заслонить отъ нескромныхъ взоровъ небеснаго свѣтила то, что творится въ нѣдрахъ вѣкового лѣса... Мертвая, ничѣмъ ненарушенная тишина царствуетъ всюду.

Причудливою бѣлою лентой тянется сквозь лѣсную чащу извилистая рѣка Конда. На одномъ изъ ея береговъ, подъ величественными сводами кедровника пріютилось нѣсколько вогульскихъ юртъ. Это—Вытлыхъ пауль¹⁾.

Въ одной изъ юртъ ярко пылаетъ въ чувалѣ²⁾ привѣтливый огонекъ. Возлѣ него сидитъ группа женщинъ съ прялками и тихо разговариваютъ между собой. На широкихъ, тянущихся вдоль стѣнъ нарахъ лежитъ съ бѣлою, какъ снѣгъ, головою старый слѣпой дѣдъ. Въ одномъ изъ угловъ возятся двое ребятишекъ—мальчикъ и девочка.

Въ переднемъ, красномъ углу юрты, убранномъ свѣжими вѣтками пихты, стоять нѣсколько

¹⁾ Пауль—деревушка.

²⁾ Чувалъ—камелекъ.

деревянныхъ истуканчиковъ, одѣтыхъ въ яркіе лоскутки,—это домашніе шайтанчики, покровители семейнаго очага. По стѣнамъ развѣшаны луки, колчаны со стрѣлами, рогатины и сѣкиры. На шестахъ, подъ самымъ потолкомъ,—рыболовная сѣти; полъ устланъ оленьими шкурами; въ сундукахъ—женскіе наряды, шитые бисеромъ; за перегородкою—малицы¹⁾ и дохи²⁾ изъ оленевыхъ и лисьихъ мѣховъ. Небольшая окна юрты, густо переплетенные продольными жердочками, затянуты оленевой брюшиной, даже и днемъ пропускающей мало свѣта.

— Долго что-то наши охотники не возвращаются, ужъ не случилось ли чего-нибудь съ ними,—да сохранить ихъ всемогущій Тормъ!—произнесла одна изъ женщинъ, подбрасывая въ чувалъ свѣжую охапку дровъ.

— Ну вотъ! Зачѣмъ они теперь-то воротятся? Вѣдь вчера и сегодня такой хороший чарымъ³⁾,—возразилъ старикъ. — Теперь самое удобное время для охоты: ни одинъ крупный звѣрь далеко не уйдетъ отъ охотника.

— И медвѣдь не уйдетъ, дѣдушка? — спросила

¹⁾ Малица—мѣховая одежда, мѣхомъ наружу.

²⁾ Доха—одежда изъ оленевой шкуры.

³⁾ Чарымъ—гололедица.

маленькая черноволосая и черноглазая внучка, подходя къ дѣду.

— Тсс!.. Въ умѣ ли ты? Развѣ можно произносить *его* имя?— съ испугомъ закричали на нее женщины.

Дѣвочка смущилась, растерянно озираясь вокругъ.

— Никогда, дитя, не упоминай зря *его* имени, а въ особенности ночью,— строго сказалъ стариkъ, положивъ руку на голову дѣвочки.

Затѣмъ, помолчавъ немного, онъ добавилъ болѣе мягкимъ тономъ:

— Да, если поднять *его* изъ берлоги, то и ему трудно бороться съ охотникомъ во время чарыма. Охотникъ на лыжахъ ускользнулъ,— и нѣть его; а *онъ-то* далеко ли ускакетъ по глубокому, заледенѣвшему снѣгу? Во время чарыма самая подходящая на *него* охота.

— А отчего, дѣдушка, нельзя называть *его* по имени?— спросилъ, подходя къ дѣду, маленький, такой же черноволосый и черноглазый, какъ и дѣвочка, внучекъ.

— Не любить *онъ* этого, не любить, когда упоминаютъ *его* имя.

— Да развѣ *онъ* слышитъ? — усомнилась дѣвочка.

— *Онъ* все слышитъ, все видитъ и все зна-

еть, хотя и спить въ своей берлогѣ,— съ убѣждѣніемъ произнесъ дѣдъ.— Тормъ и послалъ *его* на землю за тѣмъ, чтобы *онъ* чинилъ судъ и расправу на землѣ и наказывалъ тѣхъ людей, которые не повинуются волѣ Торма.

— Да вѣдь охотники убиваютъ же *его*?— возразилъ внучекъ.

— Ну, что же, что убиваютъ? Вѣдь *онъ* и самъ не безгрѣшенъ; *онъ* и самъ, когда просыпается и выходитъ изъ берлоги, дѣлается такимъ же слѣпымъ, какъ люди, и часто не умѣеть отличать добро ото зла. За это Тормъ и позволилъ охотникамъ убивать *его*.

— А правда ли, что нашъ князь Сатыга не вѣритъ въ нашихъ боговъ и разоряетъ ихъ казну?— спросила одна изъ женщинъ.

— Всѣ говорятъ это,— сказалъ стариkъ.— Да только накликаетъ онъ этимъ бѣду и на свою, и на нашу голову. Связался онъ съ негодной зырянкой Хатымой, она и мутить его. А не къ добру это, не къ добру. Въ прежнее время не такъ люди жили, къ богамъ относились почтительно, ну и всего у нихъ было вволю. А теперь съ каждымъ годомъ жить становится все труднѣе и труднѣе. Ну, да и то сказать, прежде и звѣри-то, и птицы были другія, а теперь все измельчало.

Вотъ, къ примѣру, рябчикъ. Развѣ онъ прежде былъ такой маленький? Онъ по величинѣ былъ больше лося. Да сидѣлъ онъ одинъ разъ въ кусту, а мимо въ это время проѣзжалъ на своей колесницѣ Тормъ. Рябчикъ вдругъ какъ выпорхнетъ изъ куста, кони-то у Торма и испугались, да и понесли. Ну, Тормъ разсердился да и говорить рябчику:—«Не къ чему, говорить, быть тебѣ такой машиной, коли ты не умѣешь тихо себя вести». Взялъ да и ошипалъ его, вотъ онъ съ тѣхъ поръ и сдѣлался такимъ маленькимъ. Такъ вотъ онъ и Сатыгу можетъ такъ же пощипать, — засмѣялся дѣдъ.

Дѣти и женщины внимательно слушали стараго дѣда, и долго за полночь не умолкали его разсказы о происхожденіи звѣрей; птицъ, рыбъ, самихъ боговъ и шайтановъ.

Вдругъ гдѣ-то въ урманѣ послышались голоса и чья-то веселая пѣсня... Всѣ присутствующіе насторожились... Пѣніе слышалось все ближе и ближе.

— Батюшки!.. да вѣдь это наши возвращаются!—вскричала одна изъ женщинъ, и всѣ бросились навстрѣчу охотникамъ.

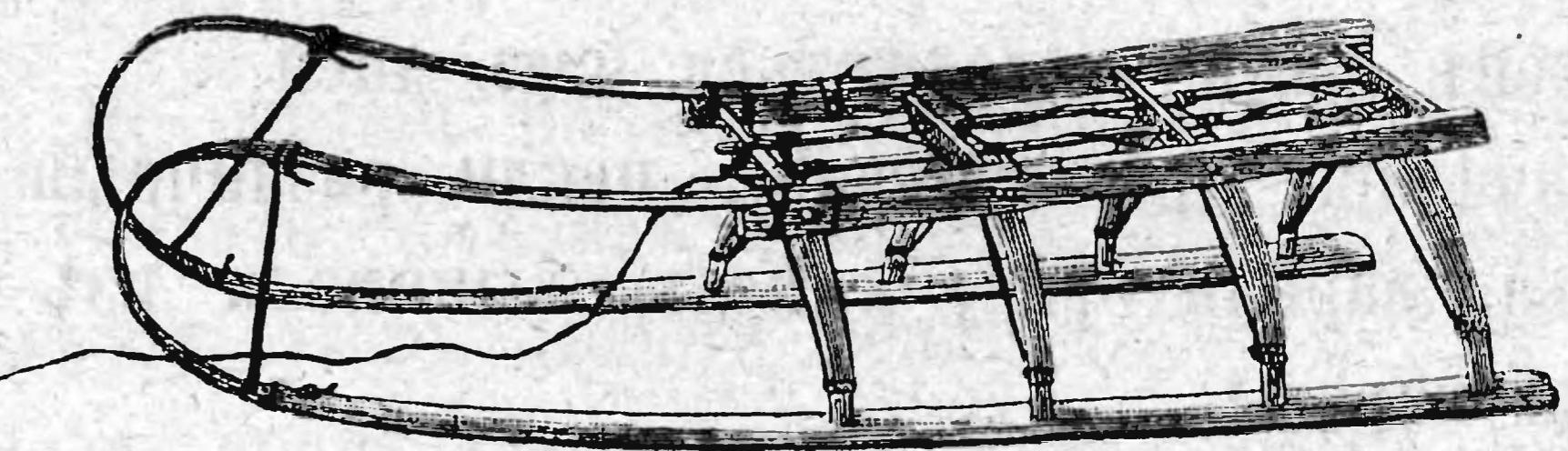
— Что такъ рано? И чего они поютъ?—въ раздумъи промолвилъ дѣдъ.—Неужто *его* убили?

Должно быть, что такъ, иначе не пѣли бы веселыхъ пѣсенъ.

И онъ также поднялся съ наръ и направился къ дверямъ вслѣдъ за другими навстрѣчу возвращающимся охотникамъ.

— Встрѣчайте, радуйтесь! *Онъ* съ нами! *Его* привезли!—кричали охотники, выходя толпою изъ темнаго урмана и махая шапками.

Посреди нихъ двигались запряженные собаками нарты ¹⁾, на которыхъ лежала, содранная вмѣстѣ съ головой и лапами, шкура огромнаго медвѣдя.

Скоро весь пауль былъ на ногахъ. Женщины и ребятишки прыгали, кричали и били въ ладоши.

— Встрѣчайте дорогого гостя! Вынимайте окно!—распоряжался старый дѣдъ.

Въ самой просторной изъ юртъ оконная рама съ брюшиной была выставлена, и шкура медвѣдя

¹⁾ Нарты—санки на высокихъ копыльяхъ.

съ подобающимъ почетомъ была втащена черезъ окно внутрь юрты, такъ какъ такой необычный гость не долженъ былъ входить обыкновеннымъ путемъ, чрезъ дверь, въ жилище грѣшнаго вогула.

Послѣ этого шкуру разостлали въ переднемъ, красномъ углу передъ домашними шайтанчиками и прикрыли до поры до времени самыми дорогими матеріями, какія только нашлись въ паулѣ.

На слѣдующій день по всѣмъ окрестнымъ патулямъ разосланы были гонцы съ приглашеніемъ всѣхъ охотниковъ, желающихъ принять участіе въ предстоящемъ празднике „похоронъ медвѣдя“, явиться въ назначенный день. Этотъ праздникъ долженъ былъ продолжаться пять дней.

Начались приготовленія: пекли различные кушанья, варили брагу и медъ, вынимали изъ-подъ спуда наряды.

Но вотъ наступилъ и ожидаемый день.

Съ ранняго утра начали стекаться въ Вытлыхъ-пауль со всѣхъ сторонъ гости, причемъ нѣкоторые являлись издалека, за многие десятки верстъ.

Шкура медвѣдя была разукрашена: вмѣсто глазъ были вставлены серебряныя монеты, на шею были надѣты бусы, на каждомъ ногтѣ — серебряныя и мѣдныя кольца. Вокругъ стояло множество деревянныхъ и берестяныхъ посудинъ съ различ-

ными яствами и глиняныхъ кувшиновъ съ брагою и медомъ.

Подлѣ медвѣдя находился шаманъ, исполнявшій различные церемоніи и наблюдавшій за порядкомъ.

По данному имъ знаку, въ юрту начали входить одинъ за другимъ охотники въ берестяныхъ маскахъ, чтобы медвѣдь не могъ ихъ узнать. При входѣ стояли женщины и девушки и плескали на входившихъ мужчинъ водой.

Первыми явились тѣ, которые принимали участіе въ охотѣ на убитаго медвѣдя. Каждый изъ нихъ, подходя къ лежавшей шкурѣ медвѣдя, отвѣшивалъ низкій поклонъ, цѣловалъ у него правую лапу и говорилъ:

— Не сердись на меня, старикъ! Я не хотѣлъ тебя убивать, а убилъ нечаянно. Впередъ никогда не сдѣлаю этого. Прости меня!

И онъ снова кланялся, наливалъ чарку и выпивалъ ее въ честь убитаго.

За участниками охоты стали подходить и другие и также кланялись, цѣловали лапу и пили.

Послѣ мужчинъ начали входить въ юрту женщины. Онѣ цѣловали у медвѣдя лѣвую лапу и приговаривали:

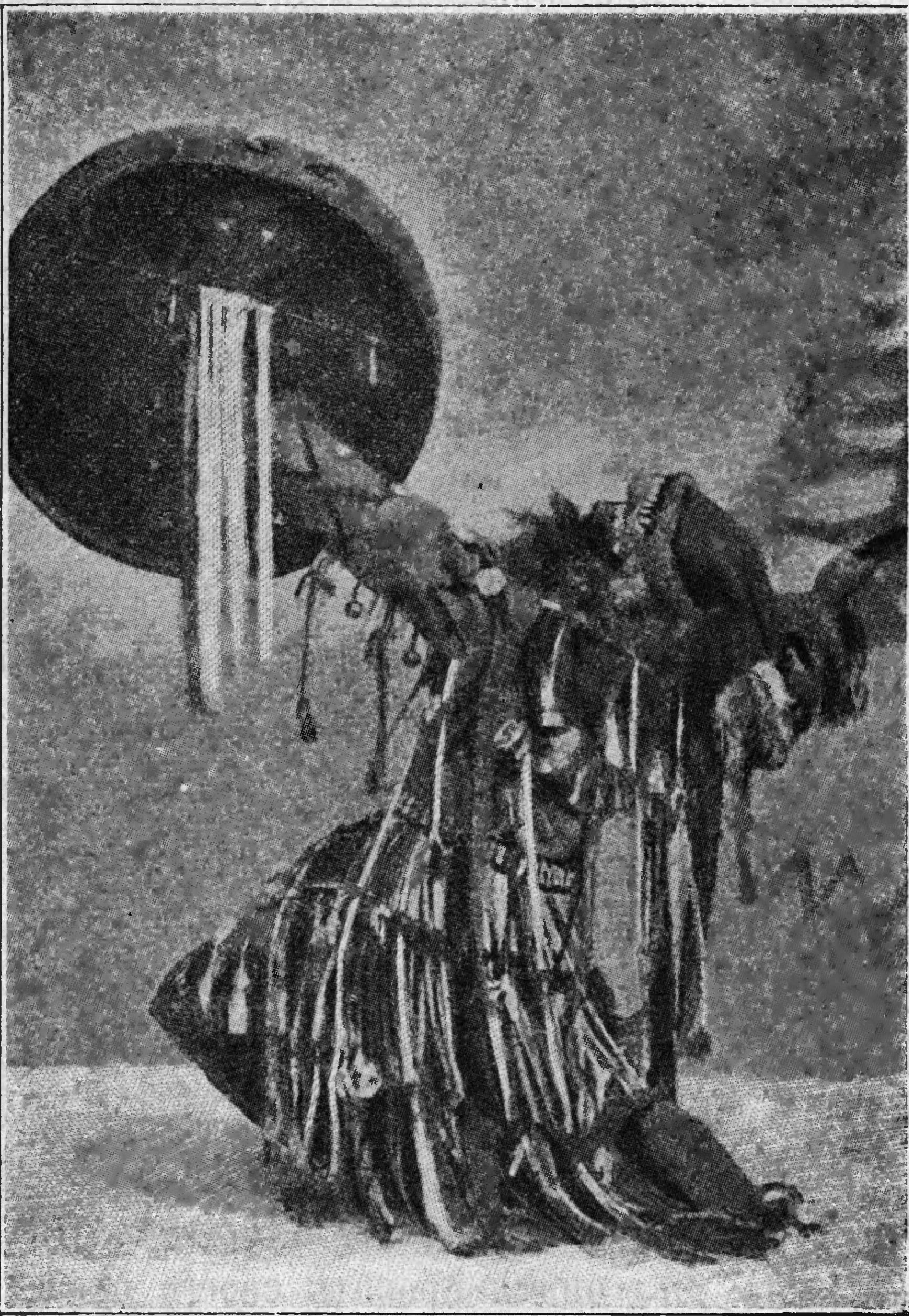
— Не пугай меня въ лѣсу, сынъ Торма, когда я буду брать ягоды.

За ними слѣдовали дѣвушки. Эти обращались къ медвѣдю съ различными просьбами: сыскать имъ жениха, приворожить сердце милаго и т. п.

Послѣ этого женщины и дѣвушки, выпивъ также по чаркѣ, удалялись, такъ какъ женщина, по понятіямъ вогуловъ,—существо низшее и поганое и потому не должна осквернять своимъ присутствиемъ священнаго отпѣванія и слушать священныя медвѣжьи пѣсни.

Когда всѣ эти предварительныя церемоніи были окончены, присутствующіе мужчины размѣстились вокругъ медвѣдя, и начался пиръ. Мало-по-малу общество начало оживляться, и къ концу обѣда всѣ почувствовали себя развязно и весело.

Но вотъ шаманъ зазвонилъ въ колокольчикъ, и пирующіе размѣстились по нарамъ вдоль стѣнъ, освободивъ середину юрты. На сцену появился знакомый намъ слѣпой дѣдъ съ лебедемъ¹⁾ въ рукахъ. Шаманъ накинулъ на себя шкуру медвѣдя, взялъ въ руки лукъ и стрѣлы, а сзади велѣлъ привязать клокъ сухой травы. Музыкантъ ударили по струнамъ и запѣлъ былину о медвѣдѣ, въ которой говорилось о его славной жизни на небесахъ и о пришествіи на землю. Въ то время какъ му-

¹⁾ Лебедь—музыкальный инструментъ, родъ гуслей.

зыканть играль и пѣль, шаманъ въ такъ музыкѣ началъ приплясывать и производить различные тѣлодвиженія, стараясь въ лицахъ изобразить то, о чёмъ говорилось въ былинѣ.

«Въ давно-давнія времена, — пѣль старый дѣдъ, — когда люди не знали еще ни лука, ни стрѣлы и не умѣли добывать огня, онъ былъ любимымъ сыномъ у Торма и жилъ вмѣстѣ съ нимъ на небесахъ. И вотъ оттуда, изъ-за облаковъ, онъ часто любилъ смотрѣть на нашу землю и видѣлъ, какъ она то покрывалась бѣлою пеленою, то зеленымъ ковромъ. Любопытство стало его разбирать, и начало ему казаться, что на землѣ жить гораздо веселѣе, чѣмъ на небѣ, и сталъ онъ просить своего отца, Торма, чтобы тотъ отпустилъ его погулять на землю. Три раза отказывалъ ему Тормъ въ его просьбѣ, но, наконецъ, надѣло ему вѣчно слушать одно и то же; посадилъ онъ его въ колыбель и спустилъ съ небесъ на землю. И сталъ онъ ходить по землѣ и смотрѣть, что на ней дѣлается. Долго ли, коротко ли онъ бродилъ такъ, только захотѣлъ Ѣсть, а Ѣсть было нечего. И вотъ началъ онъ опять просить своего отца, чтобы тотъ взялъ его обратно къ себѣ на небо. Но Тормъ за его упрямство не захотѣлъ взять его къ себѣ, а чтобы онъ не померъ съ голоду, далъ

ему лукъ, стрѣлы и огонь и велѣлъ жить на землѣ и самому добывать себѣ пропитаніе. Кромѣ того онъ наказалъ елу творить на землѣ судь и расправу надъ людьми и не трогать тѣхъ, кто повинуется волѣ Торма, а наказывать только злыхъ. «А ежели, — сказалъ Тормъ, — ты самъ будешь поступать несправедливо, то человѣкъ будетъ и съ тобой расправляться.

«Прошло много ли, мало ли времени, и началъ онъ употреблять во зло данные ему Торомъ лукъ и стрѣлы, и много бѣдъ натворилъ бы онъ на землѣ, если бы не выискался вогулъ, отнявший у него его оружіе».

При этихъ словахъ пѣвца, къ плящущему шаману присоединились семь охотниковъ, которые тоже начали приплясывать, жестами изображая то, о чёмъ пѣлось.

«Было семь братьевъ воголовъ, — продолжалъ пѣвецъ. — Однажды отправились они въ урманъ промышлять звѣря. Былъ лютый морозъ. Долго бродили братья, не находя ничего. Наступила ночь, и такъ какъ тогда не знали еще огня, то начали братья мерзнуть. Только вдругъ замѣтили они вдали огонекъ; направились на него и увидели, что сидитъ возлѣ костра онъ и грѣется. Тогда старшій братъ говорить другому: — «Ступай,

братецъ, попроси у него огня, чтобы мы могли обогрѣться. Но на того напалъ страхъ, потому что совѣсть у него была не чиста, и онъ, въ свой чередъ, сталъ просить слѣдующаго брата сходить къ *нелу* за огнемъ. Третій братъ тоже не пошелъ и началъ просить четвертаго. Такъ перекорялись они, пока очередь не дошла до младшаго. Этотъ оказался удалѣе ихъ всѣхъ. Онъ тотчасъ же согласился и пошелъ къ *нелу* просить огня. Но онъ осердился и не хотѣлъ ему давать огня. Тогда младшій братъ выхватилъ свой ножъ и вступилъ съ *нимъ* въ бой. Видѣть онъ, что не справиться ему съ младшимъ братомъ, и говоритъ:—«На, возьми мой огонь, да ужъ съ нимъ вмѣстѣ возьми отъ меня лукъ и стрѣлы, а я пойду зимовать въ берлогу».

При послѣднихъ словахъ пѣвца клокъ сухой травы былъ подожженъ, изображавшій медвѣдя шаманъ выскочилъ съ горѣвшей травой изъ юрты, и здѣсь, при общемъ ликованіи, охотникъ, изображеній младшаго брата, свалилъ его въ снѣгъ и отнялъ у него огонь, лукъ и стрѣлы.

Послѣ этого праздникъ принялъ еще болѣе оживленный характеръ. Начались другія пѣсни и пляски, частію тоже аллегорическаго свойства, частію плясали уже безъ всякихъ аллегорій, при-

чемъ въ пляскахъ принимали участіе и женщины. И долго за полночь продолжалось торжество вогуловъ, и слышались ихъ пѣніе и топотъ пляски.

III.

Праздникъ продолжался и въ слѣдующіе дни. Снова Ѣли, пили, плясали, состязались въ стрѣльбѣ изъ луковъ, въ метаніи копій и проч.

Къ вечеру четвертаго дня изъ урмана неожиданно показалась высокая фигура съдого старика, съ суровымъ лицомъ. Онъ шелъ на лыжахъ и направлялся прямо къ состязающимся.

— Шаманъ шайтана Урманъ-Хума! — съ удивленіемъ зашептали присутствующіе.—Какъ? Зачѣмъ онъ сюда? Что случилось?

Всѣ знали суроваго шамана шайтана Урманъ-Хума, и всѣмъ было известно, что онъ никуда не отлучался отъ капища своего шайтана, и должно было случиться что-либо очень важное, если онъ теперь рѣшился оставить идола одного и уйти отъ него такъ далеко.

Между тѣмъ шаманъ молча снялъ свои лыжи и, приставивъ ихъ къ стѣнѣ около юрты, громко проговорилъ:

— Идите сюда за мной, манзи¹⁾! Всѣ, кромѣ женщинъ, идите сюда!

И онъ вошелъ въ юрту, гдѣ лежалъ медвѣдь, и откуда слышались пѣніе и топотъ пляски.

При его появлѣніи все замерло; всѣ почувствовали, что случилось что-то недобroe.

Шаманъ низко поклонился лежавшему въ переднемъ углу медвѣду, приложилъ губами къ его лапѣ и, оглянувъ всѣхъ присутствующихъ, съ почтительной робостью на него смотрѣвшихъ, снова обратился лицомъ къ медвѣду и возбужденно заговорилъ:

— Я узналъ, что здѣсь сынъ Торма, и нарочно пришелъ сюда, чтобы въ его присутствіи разсказать всѣмъ здѣсь находящимся обѣ ужасномъ злодѣяніи, которое совершилъ нашъ безбожный князь Сатыга.—Горе намъ, манзи! Съ тѣхъ порь, какъ солнце стало всходить надъ нашими урманами, никогда еще не было въ нашей странѣ подобного дѣла. Знайте: три дня тому назадъ нашъ безумный князь дерзнулъ наложить свою святотатственную руку на сокровища шайтана Урманъ-Хума!

Ропотъ негодованія пронесся въ толпѣ присутствующихъ.

¹⁾ Вогулы называютъ себѧ манзями.

— Онъ надругался надъ святыней, сиѣ оскорбилъ божество,—продолжалъ шаманъ,—которое чутъ всѣ, даже самыя отдаленные племена вогуловъ и остыковъ, родственныхъ намъ по вѣрѣ. Великій шайтанъ разгневанъ и требуетъ отмщенія.

Вогулы, какъ уже было сказано, давно ненавидѣли своего князя за его алчность и безчеловѣчность, а теперь окончательно были возмущены его поступкомъ. Однако, никто не рѣшался первымъ вслухъ высказать свое порицаніе: князь былъ очень суровъ, и всѣ передъ нимъ трепетали.

Шаманъ понялъ ихъ настроеніе и, торжественно поднявъ руку, произнесъ:

— Клянитесь мнѣ предъ лицомъ этого грознаго сына Торма, что отнынѣ вы не будете признавать Сатыгу своимъ княземъ.

— Клянемся!—закричали въ одинъ голосъ сразу воодушевившиеся вогулы.

— Клянитесь мнѣ, что вы не будете платить ему ни ясака, ни обрабатывать его полей; что вы скорѣе перейдете на сторону его враговъ, чѣмъ позволите ему заставить себя служить его безумнымъ прихотямъ.

— Клянемся!—повторили вогулы.

— Я знаю,—продолжалъ шаманъ,—Сатыга силенъ и будетъ стараться силою принудить васъ

къ повиновенію, но знайте, что шайтанъ Урманъ-Хумъ сильнѣе его и сумѣеть его наказать. Горе тому, кто будетъ держать сторону Сатыги, такъ какъ онъ сдѣлается врагомъ Урманъ-Хума! Пусть лучше мы претерпимъ отъ князя всяческія насилия, но не будемъ отступниками и врагами Урманъ-Хума. Итакъ, клянитесь мнѣ на носу этого всевидящаго сына Торма, что вы свято сдержите свое слово.

При этихъ словахъ шаманъ вынулъ изъ-за пояса сѣкиру и положилъ ее подлѣ головы медвѣдя.

Клятва на носу медвѣдя считалась и до сихъ поръ считается самою страшною клятвою у вогуловъ и замѣняетъ собою присягу.

Охотники одинъ за другимъ стали подходить къ медвѣдю, брали поочередно сѣкиру въ руки и, нанося ею ударъ по носу медвѣдя, произносили:

— Задери меня, когда я буду звѣровать въ урманѣ, если только я нарушу свое обѣщаніе!

Когда такимъ образомъ клятва была произнесена всѣми присутствующими, шаманъ взялъ въ руки сѣкиру и, обратясь лицомъ къ медвѣдю, торжественно произнесъ:

— Да будетъ проклятъ тотъ, кто осмѣлитъся нарушить данное тебѣ обѣщаніе, могучій сынъ Торма! Пусть ни одинъ звѣрь не встрѣтится ему,

когда онъ выйдетъ въ урманъ звѣровать, пусть ни одна птица не попадетъ въ его лобцы, и ни одна рыба въ его сѣти. Пусть онъ, голодный, какъ волкъ, будетъ рыскать по урманамъ, пока не попадетъ въ твои могучія лапы!

Сказавъ это, шаманъ однимъ взмахомъ сѣкиры отдалъ носъ медвѣдя отъ всей головы.

Послѣ этого передъ юртой былъ разложенъ огромный костеръ, и священный носъ торжественно преданъ сожженію.

Такъ была произнесена клятва вогулами.

Сдѣлавъ свое дѣло, шаманъ Урманъ-Хума отправился въ другіе паули. И такъ ходилъ онъ по всей Кондѣ, всюду вооружая вогуловъ противъ оскорбителя ихъ боговъ—князя Сатыги.

IV.

Наступила весна. Рѣки вскрылись, вышли изъ береговъ и затопили тайгу съ ея непроходимыми лѣсными дебрями. Бассейны рѣкъ Конды, Тавды и Сосьвы слились въ одно и представили изъ себя сплошную массу воды, такъ что тамъ, гдѣ лѣтомъ были топи и болота, сдѣлалось возможнымъ, черезъ лѣсную глушь, сообщеніе на лодкахъ. Незатопленными остались только высокія урмы,

среди которыхъ, обыкновенно, находились вогульские паули.

Вскорѣ, по вскрытии рѣкъ, по всей Кондѣ разнеслась вѣсть, что въ верховьяхъ рѣки Тавды, отъ Пелымскаго княжества, пробравшись въ бассейнъ рѣки Конды, плывутъ на многочисленныхъ лодкахъ какие-то неизвѣстные витязи, закованные въ мѣдь и желѣзо, и что нѣть возможности противостоять имъ, такъ какъ въ ихъ рукахъ—громъ и молнія.

— Это Урмань-Хумъ послалъ своихъ мстителей за злодѣйство Сатыги, и самъ Чохоль-Вонзи¹⁾ далъ имъ въ руки свои стрѣлы. Бѣда намъ!—говорили вогулы и, въ страхѣ оставляя свои паули, разбѣгались, или вѣриѣ, упливали на своихъ лодкахъ въ самые дальние и глухие уголки рѣки Конды и ея притоковъ.

Напрасно князь Сатыга разсыпалъ гонцовъ по окрестныхъ паулямъ, призываю своихъ подданныхъ сплотиться противъ общаго врага и сидѣть въ его замокъ,—никто не хотѣлъ его слушать. Всѣ были убѣждены, что виною несчастія онъ самъ, и что помочь ему, значитъ сдѣлаться врагомъ грознаго, разгнѣваннаго шайтана Урмань-Хума.

¹⁾ Божество, завѣдующее громомъ и молніей.

Видя, что подданные его оставили, Сатыга одинъ со своею дружиною заперся въ своей крѣпости, укрѣпилъ ее, насколько могъ, еще болѣе, и рѣшился защищаться противъ невѣдомаго врага до послѣдней крайности.

Въ одинъ прекрасный день безмолвные лѣсистые берега тумана, на которомъ стояла крѣпость Сатыги, огласилась громкою, незнакомою въ тѣхъ мѣстахъ пѣснею:

Внизъ да по матушкѣ по Волгѣ...

А вскорѣ изъ-за ближайшаго поворота, отъ верхняго теченія рѣки Малой Конды, показалось нѣсколько лодокъ, наполненныхъ неизвѣстными воинами.

Это были казаки, сподвижники Ермака, покорителя Сибири.

Дрогнуло сердце Сатыги, но не упалъ онъ духомъ.

Высадившись недалеко отъ замка, казаки послали нѣсколько вогуловъ, перешедшихъ на ихъ сторону и служившихъ имъ проводниками, для переговоровъ къ Сатыгѣ съ требованіемъ сдать крѣпость, обѣщаю ему, въ случаѣ добровольной покорности, даровать всѣмъ находящимся въ замкѣ жизнь и отпустить на всѣ четыре стороны.

Но, вмѣсто отвѣта, Сатыга приказалъ умертвить посланныхъ и на глазахъ казаковъ бросить ихъ въ воду.

Тогда казаки подъ прикрытиемъ урмана подступили къ крѣпости и, наведя пушки, стали палить изъ нихъ въ осажденныхъ. Послѣдніе сначала прішли въ ужасъ отъ никогда неслыханного грома огнестрѣльныхъ орудій и ихъ смертоноснаго дѣйствія, но потомъ, ободряемые княземъ Сатыгой, нѣсколько уже знакомымъ съ употребленіемъ ружей, скоро оправились и въ отвѣтъ на выстрѣлы, въ свою очередь, начали пускать въ казаковъ тучи стрѣлъ и камней изъ пращей.

Видя, что первое впечатлѣніе отъ смертоносности неизвѣстнаго въ этихъ мѣстахъ оружія не произвело надлежащаго дѣйствія и не испугало вогуловъ, казаки рѣшили идти на приступъ, но были отбиты, потерявъ нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищѣй. Нѣсколько разъ повторяли они свои нападенія, но безуспѣшно: Сатыга былъ очень искусный воинъ и умѣлъ вѣваться съ врагами.

Такъ прошло не мало дней. Однако ядра и пули дѣлали свое дѣло, и число защитниковъ крѣпости съ каждымъ днемъ рѣдѣло все болѣе и болѣе. Среди осажденныхъ началось глухое броженіе. Многіе изъ нихъ уже не прочь были и сдаться, но

всѣ молчали и боялись высказывать вслухъ свои мысли изъ страха передъ суровымъ, непреклоннымъ Сатыгой.

Наконецъ, казаки, наскучивъ продолжительной осадой, прибѣгли къ хитрости.

Узнавъ отъ находившихся съ ними вогуловъ, что подданные Сатыги разбѣжались и чураются его за то, что онъ раззорилъ капище шайтана Урманъ-Хума, казаки отрядили нѣсколько лодокъ съ тѣмъ, чтобы привезти въ ихъ станъ изображеніе этого идола. Когда это было исполнено, они, не замѣтно для осажденныхъ, отвели свои лодки за ближайшій мысъ, надѣлали чучель, одѣли ихъ въ свои одежды и посадили вмѣстѣ съ ними въ лодки нѣсколько гребцовъ. Въ одну же изъ лодокъ поставили стоймя изображеніе шайтана, представлявшее изъ себя огромнаго деревяннаго истукана съ оловянными глазами и окровавленнымъ лицомъ, и приказали гребцамъ, по данному сигналу, плыть съ этой фантастической флотиліей прямо на замокъ.

Была глубокая полночь. Но весеннія ночи на сѣверѣ совсѣмъ не похожи на наши. Солнце скрывается за горизонтомъ на самое короткое время. Полуночная заря ярко горѣла пурпурнымъ свѣтомъ, придавая всей природѣ блѣдно-розовый про-

зрачный отънось. Кругомъ можно было видѣть на громадное пространство, какъ у насъ лѣтнимъ утромъ передъ восходомъ солнца. Ни одной звѣзды не мерцало на совершенно ясномъ, безоблачномъ небѣ. Въ воздухѣ стояла невозмутимая тишина, и только безчисленныя мирады комаровъ и москѣвъ пѣли свои докучныя пѣсни въ лѣсной чащѣ. Берега тумана начинали дымиться отъ испареній, но середина его была совершенно чиста, такъ что далеко можно было различить на ней малѣйшіе предметы.

Крѣпость, господствовавшая надъ озеромъ, казалось, была погружена въ крѣпкій сонъ.

Вдругъ изъ урмана, гдѣ былъ расположень казачій лагерь, показалось бѣлое облачко, и вслѣдъ за нимъ среди ночной тишины раздался пушечный выстрѣль. Громоподобное эхо подхватило звукъ выстрѣла и загрохотало, переливаясь вдали отъ одного берега тумана къ другому, пока не замерло гдѣ-то далеко-далеко въ глубинѣ неизмѣримой тайги. Вслѣдъ за первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ второй, за нимъ третій... Окрестности тумана ожили. Громъ выстрѣловъ и долго не смолкавшее, повторяемое на тысячу ладовъ, эхо—наводили ужасъ не на однихъ только осажденныхъ въ крѣпости, но и на всѣхъ

дикихъ звѣрей, обитавшихъ въ тайгѣ. Точно гроза съ непрерывными раскатами грома разразилась надъ окрестностью.

И вотъ, подъ прикрытиемъ своихъ пушекъ, казаки дружно бросились на приступъ, но осажденные мужественно встрѣтили ихъ нападеніе. Долго и безуспѣшно силились казаки ворваться въ крѣпость, какъ вдругъ, въ разгарѣ боя, одно изъ казачьихъ ядеръ пробило обѣ стѣны, окружавшія крѣпость, и влетѣло въ растворенное окно, передъ которымъ сидѣла Хатыма съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Сраженная Хатыма замертво упала на полъ. Когда Сатыгѣ, увлеченному битвой, донесли обѣ этомъ, онъ бросился внутрь своего терема на помощь Хатымѣ, но отъ нея остался уже только одинъ обезображеній трупъ. Въ бѣшенствѣ выскочила онъ изъ терема, желая отплатить казакамъ за потерю Хатымы, но въ это самое время изъ-за сосѣдняго мыса показались казачьи лодки, направлявшіяся прямо на крѣпость, а впереди ихъ осажденные съ ужасомъ увидали столь знакомую имъ, страшную фигуру шайтана Урманъ-Хума.

— Шайтанъ!.. Шайтанъ!.. Самъ шайтанъ Урманъ-Хумъ идетъ на насъ!—закричали они, обезумѣвъ отъ страха.

Напрасно Сатыга отдавалъ приказанія не оставлять постовъ и защищать стѣны, напрасно выказывалъ онъ чудеса храбрости, бросаясь одинъ въ середину враговъ и желая своимъ примѣромъ увлечь дружину,— она окончательно потеряла голову, побросала оружіе и закричала казакамъ, что сдается.

Тогда казаки немедленно же ворвались въ крѣпость и овладѣли ею, а Сатыгу взяли въ пленъ. Такъ пало vogульское княжество. Такъ былъ наказанъ за свое кощунство князь Сатыга.

— Могучъ былъ шайтанъ Урманъ-Хумъ, могучъ и страшенъ въ своемъ гнѣвѣ! — говорили въ народѣ.

